

Восприятие омофонов вне контекста (на материале русского языка)

Риехакайнен Елена Игоревна

Аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург,
Россия

Речевой сигнал содержит достаточно большое число фрагментов, которые могут быть интерпретированы несколькими способами на лексическом уровне. Исследования на материале английского языка показывают, что в процессе распознавания омофонов, омонимов и многозначных слов в сознании слушающего изначально активируются все значения, соответствующие данной последовательности звуков [Aitchison: 231–234]. Отсутствие же коммуникативных неудач при распознавании подобных отрезков речи чаще всего объясняется влиянием семантического и синтаксического уровней, обращение к которым позволяет снять неоднозначность (см., например, обсуждение этого положения в [Spencer, Wollman]).

В докладе будут рассмотрены результаты эксперимента по восприятию омофонов носителями русского языка, целью которого было определение того, на что опирается слушающий при выборе из всех возможных интерпретаций лексически неоднозначного сигнала в условиях отсутствия контекста. В частности, рассматриваются две гипотезы. Первая из них предполагает, что слушающий предпочитает тот омофон, который является более частотным. Согласно второй гипотезе, слушающий прежде всего делает выбор в пользу того омофона, графический облик которого соответствует его звучанию (например, восприятие стимула /plot/ как *плот*, а не как *плод*).

В тестовую последовательность вошли 4 типа омофонов:

(1) Существительные, заканчивающиеся на глухой согласный в форме Им. п. ед. ч.: /rok/ (рог-рок), /mak/ (маг-мак) и т. д. (13 стимулов);

(2) Глагольные формы 3 л. наст. вр. ед. и мн. ч. с безударными окончаниями, которые звучат одинаково в спонтанной речи: /vóz'it/ (возит – возят), /s(s)ór'ica/ (ссорится – ссорятся) и т. д. (13 стимулов);

(3) Формы глаголов пр. вр. ед. ч. с безударным окончанием /a/: /stóila/ (стоило – стоила), /slamálas'/ (сломалось – сломалась) и т. д. (10 стимулов);

(4) Словоформы, которые могут быть интерпретированы как наречия и краткие прилагательные ср. или ж. р.: /užásna/ (ужасно – ужасна), /zabótl'iva/ (заботливо – заботлива) и т. д. (4 стимула).

Для типов (1), (2) и (3) были подобраны следующие пары омофонов:

– Омофон, орфографическая запись которого ближе к произношению, является более частотным, чем второй омофон данной пары;

– Омофон, орфографическая запись которого ближе к произношению, является менее частотным, чем второй омофон данной пары;

– Омофоны встречаются в речи с примерно равной частотой.

Для типа (4) удалось подобрать только те пары, в которых более частотным является омофон, написание которого отличается от произношения (т. е. вариант на -о).

Частотность определялась по данным Национального корпуса русского языка (147 577 522 словоупотреблений; <http://www.ruscorpora.ru/>).

Для составления тестовой последовательности все омофоны были извлечены из предложений, прочитанных двумя дикторами (мужчиной и женщиной), и предъявлялись для прослушивания через наушники. Испытуемые были разделены на две группы: одним предлагалось просто записать услышанное, другие же должны были составить любую фразу с каждым стимулом. В эксперименте приняли участие 72 человека.

Результаты эксперимента показывают, что при интерпретации омофонов слушающий может использовать одну из трех стратегий:

(1) Выбор словоформы, имеющей более высокую частотность. Данная стратегия преобладает при работе со всеми типами стимулов;

(2) Опора на так называемую «частотность класса», т. е. учет того, какие грамматические формы в языке обычно являются более частотными. Например, для большинства глаголов формы 3 л. ед. ч. наст. вр. являются более частотными, чем формы 3 л. мн. ч., и поэтому испытуемые выбирают в качестве ответов формы ед. ч. даже в тех случаях, когда в данной конкретной паре частотность формы мн. ч. оказывается выше;

(3) Предпочтение того омофона, который легче «встраивается» в контекст и имеет больше типичных контекстов. Данное наблюдение соотносится с гипотезой М.Л. Гаспарова о том, что при создании и интерпретации высказываний мы оперируем «коммуникативными фрагментами» [Гаспаров: 119]. Использование данной стратегии было отмечено у тех испытуемых, которые должны были не просто записать услышанные слова, а придумать с ними фразы.

Соответствие между написанием омофона и его звучанием, по-видимому, не влияет на выбор слушающего. Если омофон является более частотным, выбор будет сделан в его пользу, даже если его графический облик не соответствует звучанию. Наиболее ярким примером этого является то, что большинство испытуемых восприняли стимулы четвертого типа как наречия, а не как прилагательные женского рода.

В дальнейших исследованиях планируется рассмотреть, от чего зависит выбор той или иной стратегии и все ли стратегии используются в процессе восприятия спонтанной речи.

Литература

Гаспаров М.Л. Язык, память, образ. М., 1996.

Aitchison J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental lexicon. Berlin; Oxford, 2003.

Spencer N. J., Wollman N. Lexical access for phonetic ambiguities // *Language and Speech*. 1980. № 23 (2). P. 171–198.